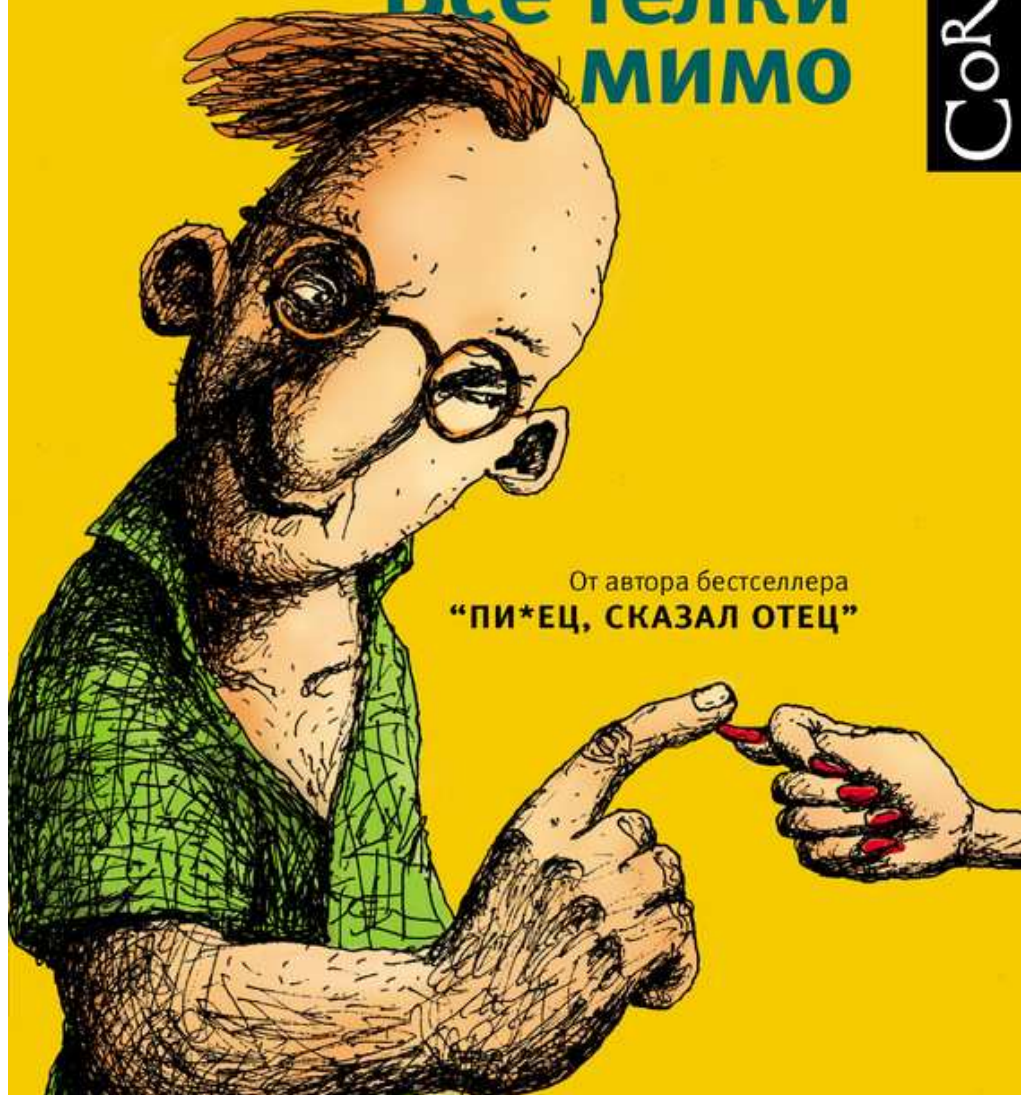

“ Я не знал, что надо преодолеть,
чтобы почувствовать себя мужчиной. ”

Джастин Халперн

Все тёлки мимо

CoRpus

От автора бестселлера
“ПИ*ЕЦ, СКАЗАЛ ОТЕЦ”

Джастин Халперн Все тёлки мимо

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6657983

*Все телки мимо/ Джастин Халперн ; пер. с англ. С. Силаковой.: АСТ. CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083436-5*

Аннотация

Герой этой небольшой, но удивительно веселой, порой язвительной, а местами трогательной книги собирается жениться. И отец, тот самый, чьи афоризмы стали знаменитыми благодаря предыдущей книге Джастина Халперна «Пи*ец, сказал отец», говорит: «Я тебе расскажу, что я сделал перед тем, как попросил руки твоей матери: уединился на день, сидел, обдумывал все, что успел узнать о себе и о женщинах». А сын вспоминает – как подростком страдал и мучился, как впервые получил отказ, как наконец потерял невинность, как пытался повзрослеть и обрести настоящую любовь.

Содержание

Наверно, ты мог бы жить счастливо с любой из 150 миллионов самых разных женщин	5
Мне это нравится	10
Когда женишься, жена видит твою письку	15
У тебя никогда не будет женщины с такой внешностью	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джастин Халперн

Все тёлки мимо

Посвящается Аманде

Justin Halpern
I Suck at Girls

This edition is published by arrangement with the Waxman Literary Agency and the Van Lear Agency LLC

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Justin Halpern, 2012
© С.Силакова, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, оформление, 2014
© В.Буркин, иллюстрация на обложке, 2014
© ООО "Издательство Астрель", 2014
Издательство CORPUS ®

Имена и отличительные черты некоторых людей, фигурирующих в этой книге, изменены, дабы оградить тайну их частной жизни. Любое сходство с реальными людьми (ныне живущими или умершими) – случайное совпадение.

Наверно, ты мог бы жить счастливо с любой из 150 миллионов самых разных женщин

В мае 2008-го меня бросила девушка, с которой я встречался почти три года. И я вернулся домой, под родительский кров. Мой папа, семидесятитрехлетний пенсионер, хлопнул меня по спине и отдал распоряжение: "Только прибирайся за собой. А то навалишь говна, как после групповухи". Вскоре папа стал видеть во мне что-то типа штатного собеседника: вываливал на меня любые мысли, забредавшие ему в голову, и с любопытством ждал моей реакции.

Однажды я решил записывать все абсурдные афоризмы, которыми папа так и фонтанировал. И завел в "Твиттере" аккаунт под названием *Shit My Dad Says*.

Это скромное предприятие – я просто пытался себя занять, чтобы развеять собственную тоску и повеселить двух-трех друзей – имело сногшибательный успех: через два месяца у меня было больше полумиллиона фолловеров и два контракта, один с крупным издательством, другой с телекомпанией. Обхохотаться: ведь я ничегошеньки не делал, а просто записывал за отцом, ни слова от себя не добавляя. В общем, мне повезло. А точнее... "повезло" – слишком пресное слово. Повезло – это когда тебе возвращают бумажник, забытый в переполненном баре. А когда текст, где и пяти сотен слов не наберется, приносит сразу два контракта – на книгу и на телесериал... Удача колоссальная, все равно как выжить в авиакатастрофе или узнать, что ты – родная сестра Опры Уинфри, потерявшаяся в раннем детстве.

Но ничего из того, что случилось за последние полтора года, вообще бы не случилось, если бы Аманда, моя девушка, не порвала со мной. Если бы она меня не бросила, я ни за что бы не вернулся в родительский дом. Не вернулся бы – так и не начал бы записывать за папой. А не начал бы записывать – наверно, в эту самую минуту находился бы там же: в публичной библиотеке, по соседству с каким-то бомжем. Но тогда я ходил бы в библиотеку не писать книги в тишине и спокойствии, а воровать то, что в пору нищеты было мне недоступно – туалетную бумагу.

Спустя пару месяцев после моего переезда к родителям, когда я еще и думать не думал про аккаунт в "Твиттере", вдруг позвонила Аманда. Предложила встретиться где-нибудь в кафе, поговорить. Впервые после нашего разрыва я услышал ее голос. В голову полезли мысли: а хочу ли я видеть Аманду после всего, что было? Мы встречались почти три года, я уж думал, она – моя единственная навеки... Стоп, "единственная" – не то слово, больше годится для аннотаций к блокбастерам. Типа: "Она единственная, кто может свергнуть кровавого Властелина Галактики..." Скажу так: я искренне верил, что Аманда – та, с кем я хочу прожить всю жизнь. А после разрыва долго ходил сам не свой, лишь через два месяца начал возвращаться в норму. И теперь мне было страшно даже подумать о нашей новой встрече. Встречаться со своими бывшими – все равно как пересматривать ключевые моменты матча, проигранного твоей любимой командой. Даже если видишь мельком, это удар под дых, лавина непрошенных воспоминаний о счастье, которое накрылось медным тазом.

Поговорив с Амандой по телефону, я вскочил с надувного матраса (спал я в своей прежней комнате, но прямо на полу) и пошел к папе в кабинет. Рассказал ему: Аманда хочет со мной поговорить, а я... я просто ума не приложу.

Папа развернулся ко мне (он сидел в офисном кресле-вертушке). Пробурчал: "Ох, блин, ты ведь у нас не ангел". И снова повернулся ко мне спиной, уткнулся в свою писанину на столе.

– Минутку! – я нервно топтался в дверях. – При чем тут это – ангел я, не ангел... Я вообще о другом. Просто хотел узнать твое мнение.

Папа снова крутанулся в кресле:

– Ну я же сказал. Ты не ангел – вот тебе мое мнение.

Я попытался разъяснить, терпеливо, насколько мог:

– Пап, я не понимаю, на какой вопрос ты отвечаешь, но я определенно имел в виду другое.

– Ты человек, а люди делают глупости, – услышал я в ответ. – Ты делаешь глупости, и она тоже. Да и все мы делаем глупости, чего там. Но иногда случается, что мы вдруг перестаем дурить. Тогда мы трубим в трубы, хвалимся собой так, что чертям тошно, и начисто забываем все глупости, которые успели натворить. И вот что я тебе скажу: ничего не предпринимай просто в отместку за чьи-то глупые поступки. Поступай, как хочешь, только слушайся своего сердца. А еще принеси мне с кухни грейпфрут, и солонку с перцем тоже.

Я посоветовался со своим сердцем... и согласился повидаться с Аmandой в кафе.

Спустя год я сидел напротив отца в ресторанчике "Пицца нова", из которого открывается вид на бухту Сан-Диего.

– У меня важная новость, – сказал я, еле удерживаясь от ликующей улыбки.

– Влип в неприятности? Из-за денег? Сам вижу, из-за денег, – выпалил папа.

– Что? Ничего подобного. Разве я сказал бы про неприятности: "у меня важная новость"?

– "У меня важная новость: я насмерть застрелил человека". Вот они, важные новости, – возразил папа.

– Ну что ты, так никто не говорит.

– А, блин, совсем забыл, ты же у нас писатель. Думаешь, тебе виднее, как люди разговаривают.

Когда беседуешь с моим папой, невозможно направлять разговор. Надо смириться с тем, что папа будет всем рулить. Пытаешься потихоньку подтолкнуть его к нужному руслу, но самое лучшее – терпеть и дожидаться, пока собеседник, на твоё счастье, сам затронет нужную тему. Хуже всего беседовать с моим папой на голодный желудок. А в тот момент, за столиком в пиццерии, папа мог думать только о еде.

– Ну ладно... У меня важная новость, но не дурная. Важная, но хорошая, – расставил я все по местам.

– Тогда рассказывай, – сказал он, уставившись в меню.

– Я собираюсь сделать предложение Аманде, – возвестил я.

Впервые сказал об этом вслух, другому человеку. И мне стало так легко. Гора с плеч!

– Вот и хорошо. Слушай, я лично возьму латук с водяным крессом. Я знаю, что каждый раз его беру, но он вкусный. На фига оригинальничать, согласен?

Конечно, мой отец – не самый эмоциональный человек, но я надеялся на менее вялую реакцию. Можно подумать, я ему сказал, что выиграл билеты на концерт *Depeche Mode*. Я выждал еще немножко, в надежде, что он захочет что-нибудь добавить.

– А знаешь... Закажу-ка я пиццу, – и папа снова раскрыл меню.

Я болтал соломинкой в чае со льдом, пытаюсь сообразить, как снова выкрутить на мою тему. Я же еще никого не посвящал в свой план. Папе рассказал первому. И теперь я не сдавался: нет, я его все-таки дожду, добьюсь реакции, соразмерной моим чувствам.

– Да, я сделаю ей предложение. И мы поженимся. Мне просто не терпится с ней поговорить, – сказал я, уставившись на папку с меню, за которой скрывалось папино лицо.

– Дело хорошее, – прозвучал папин голос из-за папки.

– Пап! Я вообще-то сказал тебе, что женюсь. Думал, ты обрадуешься. Для меня это очень важный шаг.

Папа положил меню на стол. Открылось его лицо. С таким же каменным видом он однажды высидел на диване весь фильм "Однажды в Вегасе" с Эштоном Катчером (выбор мамы).

– Сын, я уже начал радоваться, все нормально. Чего еще тебе от меня надо, не пойму. Я рад за вас с Амандой, я вас обоих люблю, но эта твоя новость – вовсе не сюрприз. Ты с ней встречаешься уже четыре года. Тоже мне, блин, открыл параллельную вселенную... – сказал он и поманил официантку. Та подошла, приняла заказ.

Папа был прав. Мои намерения были вполне предсказуемы. И вообще, разве жизнь меня не научила, чего ждать от моего папы? Я его обожаю, но разве можно ожидать радостного визга от человека, который когда-то сказал, что школьный выпускной – "тоска зеленая"?

– Мне кажется, у тебя то, что мы, медики, называем "напряжением сфинктера", – сказал отец.

– Что-о?

– Задница поджата от страха. Очкуешь! Нервничаешь, вот и сотрясаешь воздух пустыми словами. А я старый и голодный. Сын, не ходи вокруг да около, выскажи то, что не можешь не сказать.

Днем раньше, в маленькой ювелирной лавке в Ла-Джолле, я купил в рассрочку кольцо для помолвки. До той минуты я не испытывал ни малейшего мандража – ну, женюсь и женюсь. Но едва я отдал первый взнос восьмидесятилетнему старцу за прилавком, едва кольцо легло на мою ладонь, откуда-то выплыло воспоминание: мне девять лет, я в спущенных штанах сижу на корточках в углу туалета и пытаюсь помочиться в резиновый шарик. Идея была такая: наполнить шарик и швырнуть им в старших братьев. Тогда-то они пожалуют, что доводят меня своими подколками. Вдруг дверь распахивается, входит папа. Я перетрусил – так и замер, сидя с шариком между ног. Некоторое время отец рассматривал меня молча. Потом сказал: "Во-первых и в-главных, так невозможно наполнить шарик, балбес. Во-вторых, жизнь, бля, тянется очень долго, особенно когда ты дурак". Второй тезис – про жизнь – я впоследствии слышал от него много раз, снова и снова, на разных этапах моей биографии. И теперь, с обручальным кольцом в кулаке, я подумал, что моя недолгая жизнь уже кажется очень длинной, потому что я успел совершить массу дурацких поступков. И впервые закралась мысль: а вдруг я зря затеял эту женитьбу? Понимаю ли я, во что могу влипнуть?

Потому-то, спустя все эти годы, я решил посоветоваться с папой.

– Тебе же очень нравится Аманда, – сказал я, сам не понимая, что это – вопрос или констатация факта.

– Ну, мы, знаешь ли, в окопе с ней вместе не сидели, по немцам, чтоб они провалились, не стреляли, но она мне нравится. Насколько я вообще ее знаю. Но кого, блин, колышет, нравится она мне или нет?

– Меня колышет.

– Чушь собачья. Тебе наплевать и растереть, и знаешь почему? – Папа задумчиво склонил голову набок, поднял одну бровь.

– Почему?

– Потому что с начала времен, с тех пор как люди крутят любовь, никого не волнует чужое мнение о его любви... пока любовь не проходит, – заявил папа. – О, просто королев-

ская пицца! Огромное спасибо, мэ, – заворковал он, обращаясь к официантке, которая принесла наш заказ.

– Ну-у, это важное решение, – попытался я объяснить, – вот я и пытаюсь взглянуть на него с разных сторон. Просто хочу удостовериться, что я не ошибаюсь... что я не сломаю жизнь ни Аманде, ни себе, понимаешь? Мне кажется, это вполне нормальные переживания, большинство людей тоже так колеблются, – зататорил я.

В общем, мне вдруг стало не по себе, я начал лихорадочно оправдываться.

– Большинство людей – идиоты. Ни одна ошибка не кажется ошибкой, пока она не совершена. Найди забор под электротокком, расстегни ширинку, попробуй облегчиться: едва струя брызнет на проволоку, мигом поймешь свою ошибку. Но во всех остальных случаях заранее не угадаешь.

Я откинулся на спинку кресла, мысленно благодаря судьбу, что образцом классической ошибки для папы осталась не какая-то моя проделка, а случай двадцатипятилетней давности, когда мой брат помочился на соседский электрифицированный забор.

Папа увлекся было пиццей, но все-таки заметил, что я не удовлетворен его ответом. Он утер губы и заявил:

– Ладно, ладно. Скажу тебе две вещи. Только не считай их советами, идет? В советах правды нет. Совет – просто мнение одного конкретного дурака.

– Договорились, – сказал я.

– Во-первых и в-главных, я – ученый, – сказал папа, закашлявшись.

– Не спорю.

– А хоть бы и спорил, мне пофиг. Это бесспорный факт. Я просто напоминаю: во-первых и в-главных, я – ученый. И как ученый волей-неволей смотрю на жизнь критически. Иногда это тяжкий крест. Прямо готов все отдать, чтобы иногда превращаться в полного дебила. Порхал бы по жизни в обосранных штанах, думал бы – все трын-трава... Ох ты.

Я посыпал красным перцем чили свою пиццу (с курятиной, обжаренной на гриле) и уселся поудобнее, наострив уши.

– Итак, если рассмотреть брак с научной точки зрения, все элементарно: на планете шесть миллиардов человек. Допустим, половина – женского пола. Примем во внимание возрастные границы и все такое прочее. Итак, даже если ты человек привередливый...

– Да, я привередливый, – прервал я.

– Я говорю обобщенно, не о тебе конкретно. На тебе мир клином не сошелся. Ох ты...

Ешь пиццу и слушай.

И он молча дождался, пока я начну жевать пиццу.

– Итак, даже будь ты привередливым, ты, наверно, мог бы жить счастливо с любой из ста пятидесяти миллионов самых разных женщин, – заключил он.

Эта фраза меня ошаршила. Мои родители поженились тридцать два года назад, и папа просто боготворит мою маму. Он никогда не стеснялся говорить нам, что для него она всех дороже. Однажды за завтраком, когда мне было шесть лет, папа читал научный журнал с громадным астероидом на обложке. Потом отложил, смерил взглядом меня и братьев:

– Если астероид столкнется с Землей, и случится ядерная катастрофа, и все человечество погибнет, но воздухом все-таки можно будет дышать... хотя это вряд ли... Так вот, я смирюсь со всем, что случилось, если на всей планете выживут всего двое – я и мама.

– А как же мы? – спросил мой брат Ивэн.

– Ну, я погорюю немножко. Естественно, будет какой-то траур. Я же не козел бесчувственный, – ответил папа и громко, от души расхохотался.

Папа любит маму так, словно с ней сросся и вообще не мог бы без нее жить. И его небрежные слова – мол, каждый мог бы счастливо жить с кем угодно из ста пятидесяти миллионов человек – совершенно не вязались с его личным примером.

– Ты же сам в это не веришь. Я же знаю: ты уверен, что с другой женщиной не обрел бы того, что у тебя есть с мамой.

– Постой, я же сказал, что должен сказать тебе две вещи, – возразил папа. – В общем, под научным углом все так, как я говорю. Но человек – сложно устроенное животное, да еще и изменчивое. Мало ли что я думал десять лет назад, а теперь как вспомню – чушь собачья! В общем, ни одна научная формула не может предсказать, как сложатся отношения в браке. Потому что брак на первом году после свадьбы – совсем не то, что брак тех же людей десять лет спустя. Короче, когда ты имеешь дело с чем-то невероятно непредсказуемым – то есть с людьми, цифры и формулы ничего не значат. Самое лучшее, что ты можешь сделать, – собрать воедино всю известную тебе информацию и, если подойти по-научному, сделать что? – спросил он, буравя меня глазами, ожидая ответа.

– Э-э... не знаю, – сказал я, предполагая, что вопрос все-таки риторический.

– Надо, блин, подарить тебе табличку с надписью "Я не знаю" – время сэкономишь. Лучшее, что ты можешь сделать, сын, – это выдвинуть обоснованную гипотезу.

Итак, я тебе расскажу, что я сделал перед тем, как попросил руки твоей матери: уединился на день, сидел, обдумывал все, что успел узнать о себе и о женщинах к тому моменту моей жизни. Просто сидел и думал. Возможно, еще и траву курил. В любом случае, под вечер я подвел итоги и спросил себя, не расхотелось ли мне делать предложение твоей маме. Оказалось, не расхотелось. И я со всей скромностью говорю тебе: сделай то же самое, если не считаешь, что ты умнее меня. А это вряд ли, поскольку гены у нас общие, – тут папа захохотал, откинулся на спинку кресла и отхлебнул большой глоток диетической колы.

Я оплатил счет и подвез папу до дома.

На следующий день я собирался сделать предложение Аманде.

Я заказал авиабилет до Сан-Франциско и договорился с ее лучшей подругой, что она приведет Аманду в один ресторан на бранч. Я подъеду туда заранее, неожиданно появлюсь и задам ей главный вопрос. С момента, когда я расстался с папой, у меня оставалось ровно двадцать четыре часа до свидания с Амандой. Я сел в свою "хонду-аккорд" и поехал в центр Сан-Диего, в парк Бальбоа. Припарковался, вылез из машины, побрел куда глаза глядят. Там, в тени огромных зданий, возведенных еще испанцами, а теперь превращенных в музеи, я провел день так, как подсказал мне папа: восстанавливал в памяти свою жизнь начиная с самых ранних воспоминаний, вновь прокручивал каждый момент, который научил меня хоть чему-то о женщинах и о себе самом, от несмысленного детства до проблем переходного возраста и юности – вспоминал и надеялся, что к вечеру все-таки пойму, с бухты-барахты принял решение или могу сделать какой-то обоснованный прогноз.

Мне это нравится

Когда ты учишься в младших классах, первый день учебного года очень важен: в основном потому, что ты узнаешь, за какой партией будешь следующие девять месяцев проводить каждый будний день по семь часов. Ошибешься с выбором – промучаешься до следующих летних каникул. Когда я перешел во второй класс, наша учительница миссис Вангард – стройная дама лет пятидесяти пяти с прической под президента Вашингтона – еще за три недели до начала занятий известила родителей письменно: "Места будут распределяться по принципу: 'Раньше придете – шире выбор'". Что ж, вообразите себе "черную пятницу" в "Уолмарте", только вместо магазина – школа, а на штурм идут осатаневшие спиногрызы.

– Я должен быть в школе в шесть утра, – объявил я родителям на кухне вечером, накануне дня, когда начинались занятия.

– В шесть? Спятил? У тебя там что – коровы недоенные? Нет. И думать забудь, – сказал папа.

Меня охватила паника: я вспомнил, что мой друг Джереми собирается прийти на рассвете и быть первым в очереди у школьных дверей, чтобы захватить самое-самое лучшее место.

Мама посмотрела с сочувствием:

– Мы доставим тебя в школу как можно раньше, только обещаю, что будешь выходить к ужину в брюках.

Мой вечерний наряд состоял из белых трусов с "Трансформерами" и футболки с надписью "Мондейла в президенты"¹.

На следующее утро, когда папа разбудил меня своим обычным способом – сдернул с меня одеяло и швырнул его на пол, насвистывая "Полет валькирий", – я мигом вскочил и взглянул на часы. Полвосьмого! В восемь уже уроки начинаются!

– Па-ап, ты же обещал разбудить меня рано-рано! – возмутился я.

– Брехня. Я четко помню, что обещал тебе прямо противоположное.

Я впопыхах собрался, но, когда мама довезла меня до школы и я, прижимая рюкзак к груди (думал, так выйдет быстрее), влетел в класс... О ужас: осталось всего три свободных места. Я замер у длинной зеленой доски, разглядывая три десятка парт, и призадумался, взвешивая все "за" и "против". Первое свободное место было в первом ряду, прямо перед столом миссис Вангард. Оно обрекло бы меня на полную изоляцию: учительского стола все будут избегать как чумы. Второе место было рядом с пухлым мальчишкой, у которого в первом классе на уроках дважды приключалась желудочная катастрофа. Оба раза приходил уборщик в медицинской маске и резиновых перчатках, пробовал отмыть стул из шланга, а потом, смирившись, выносил его на помойку.

Третье место было по соседству с незнакомой рыжей девочкой. Россыпь веснушек на лице, нос-пуговка – казалось, эту новенькую нарисовали на студии "Дисней". Но я не любил девчонок. Не подумайте, что я был юным женоненавистником. Примерно по той же причине я не любил носить трусы: считал, что пользы от них никакой, одна морока. Как и от девчонок. Однако парта рыжей показалась мне наименьшим из трех зол. Я плюхнул свой рюкзак на свободный стул. Соседка обернулась, улыбнулась мне, а я, сам не зная отчего, опешил. Хотел поздороваться, но мой мозг никак не мог выбрать между "привет" и "здорово".

– 3-3-зд... прив... ну, привет, – пробормотали.

– Привет, я Керри Томасон, – бодро ответила она.

¹ Уолтер Мондейл баллотировался в президенты США в 1984 году, победил его соперник – Рональд Рейган.